

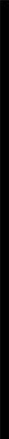
КНИГА ПАМЯТИ

Екатеринбург
репрессированный

1917 — сер. 1980-х гг.

ЧАСТЬ II

Судьбы жертв
политических репрессий
(воспоминания, статьи, очерки)

В. М. Кириллов

**Книга памяти: Екатеринбург
репрессированный 1917 – сер.
1980-х гг. Часть II. Судьбы
жертв политических репрессий
(воспоминания, статьи, очерки)**

«Издательские решения»

Кириллов В. М.

Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг. Часть II. Судьбы жертв политических репрессий (воспоминания, статьи, очерки) / В. М. Кириллов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557571-5

Коллективная монография в жанре книги памяти. Совмещает в себе аналитические статьи известных ученых по различным аспектам истории государственного террора на материале Екатеринбурга-Свердловска, проблемам реабилитации и увековечения памяти жертв политических репрессий с очерками о судьбах репрессированных, основанными на источниках личного происхождения.

ISBN 978-5-00-557571-5

© Кириллов В. М.
© Издательские решения

Содержание

Константинов С. И.	6
Парфенова Е. Г.	11
Печуркина Р. А.	19
Печуркина Р. А.	26
Печуркина Р. А.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг. Часть II. Судьбы жертв политических репрессий (воспоминания, статьи, очерки)

Издано по инициативе и при участии Музея истории Екатеринбурга и АНО «Волонтерское общество Свердловской области»

Научный редактор В. М. Кириллов.

Рецензенты:

В. П. Мотревич, доктор исторических наук, профессор УрГЮА;

О. С. Поршнева, доктор исторических наук, профессор УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Авторы: Кириллов В. М., Быкова С. И., Вебер М. И., Дробина И. В., Килин А. П., Кириллова Т. С., Константинов С. И., Миронова-Шушарина Е. Ю., Мосин А. Г., Олешко В. Ф., Парфенова Е. Г., Паэгле Н. М., Печерин А. В., Печуркина Р. А., Погорелов С. Н., Прищепа А.

Авторы: Кириллов В. М., Быкова С. И., Вебер М. И., Дробина И. В., Килин А. П., Кириллова Т. С., Константинов С. И., Миронова-Шушарина Е. Ю., Мосин А. Г., Олешко В. Ф., Парфенова Е. Г., Паэгле Н. М., Печерин А. В., Печуркина Р. А., Погорелов С. Н., Прищепа А. И.

© В. М. Кириллов, 2022

© С. И. Быкова, 2022

© М. И. Вебер, 2022

© И. В. Дробина, 2022

© А. П. Килин, 2022

© Т. С. Кириллова, 2022

© С. И. Константинов, 2022

© Е. Ю. Миронова-Шушарина, 2022

© А. Г. Мосин, 2022

© В. Ф. Олешко, 2022

© Е. Г. Парфенова, 2022

© Н. М. Паэгле, 2022

© А. В. Печерин, 2022

© Р. А. Печуркина, 2022

© С. Н. Погорелов, 2022

© А. И. Прищепа, 2022

ISBN 978-5-0055-7571-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0055-7563-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Константинов С. И.
Высокопоставленные узники
Екатеринбургского арестного дома
Впервые опубликовано: Шестнадцатые Романовские
чтения: Всероссийская научно-практическая
конференция (Екатеринбург – Алапаевск, 19—20 июля
1918 г.): материалы. Екатеринбург, 2018. С. 35—42

В начале XX века «уголовной» тюрьмой называли Екатеринбургский тюремный замок (**тюрьма №1**), в котором в то время содержались уголовные и политические преступники и который к тому же являлся пересыльной тюрьмой. В настоящее время на его территории, по ул. Репина, д. 1, находится следственный изолятор №66/1.

А так называемый арестный дом (или **тюрьма №2**, «земская тюрьма») до 1917 г. официально назывался «Екатеринбургским помещением арестуемых по приговорам Городских Судей и Земских Начальников». Располагался он на окраине Сенной площади, за солдатскими казармами. В настоящее время в этом помещении находится один из корпусов Городской клинической больницы №1, ул. Сони Морозовой, д. 203, у площади Обороны¹.

Начальником тюрьмы №2 в начале 1918 г. был назначен Михаил Георгиевич Кабанов² (старший из трех братьев), комиссаром – его младший брат, тоже Михаил. Заместителем начальника тюрьмы оставался бывший ротмистр Пермского губернского жандармского управления Павел Петрович Шечек, исполнявший обязанности помощника начальника и тюрьмы №1 (в 1911—1912 гг. – помощник начальника Пермской тюрьмы)³.

В Екатеринбургском заточении в первой половине 1918 г. побывали не только двоюродный брат В. И. Ленина В. А. Ардашев и царская семья, а также ее приближенные, но и другие бывшие высокопоставленные узники. Через заключение в тюрьме №2 прошел глава Временного правительства князь **Г. Е. Львов**, подписавший 7 марта 1917 г. постановление об аресте отрекшегося от престола императора Николая II и его супруги Александры Федоровны.

Вместе с князем Г. Е. Львовым, 12 марта 1918 г. в Тюмени, бдительный военком Северного района и Западной Сибири 20-летний командир Пермского карательного отряда Зайпкус арестовал также князя А. В. Голицына, Н. С. Лопухина и Н. В. Заболоцкого. 19 марта отряд прибыл в Екатеринбург и передал арестованных Следственной комиссии при Екатеринбургском революционном военном трибунале⁴.

Инкриминировали им контрреволюционную деятельность, подготовку заговора, в том числе в целях освобождения из заключения и царской семьи. Заключенные томились во 2-й Екатеринбургской тюрьме до лета 1918 г. Но вмешались влиятельные московские заступ-

¹ Жук Ю. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб., 2013. С. 547.

² Кабанов Михаил (старший) Георгиевич (1879—1960-е) – член РСДРП с 1912 г., рабочий на строительстве порохового завода в пос. Таватуй Екатеринбургского уезда. Вел революционную работу вместе с братом, тоже Михаилом. После Октября возглавил местную власть, а в начале 1918 г. вместе с младшим братом переехал в Екатеринбург, туда же вызвал своего среднего брата – Алексея, ставшего видным чекистом, участником расстрела царской семьи. В дальнейшем Михаил-старший на партийной и советской работе. Жестокими мерами проводил коллективизацию на Северном Кавказе. Персональный пенсионер. Последние годы жил в Пятигорске. (См.: Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. Екатеринбург, 2008. С. 221.).

³ Жук Ю. Претерпевшие до конца... С. 35, 195.

⁴ Следственное дело – см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 94.

ники. В Екатеринбург телеграфировал «за народного комиссара юстиции» – П. А. Красиков. Есть сведения, что сказал свое веское слово и Я. М. Свердлов. Члены Следственной комиссии С. Е. Чуцкаев и министр юстиции Урала М. Поляков выехали в Тюмень, чтобы найти новые доказательства контрреволюционной деятельности арестованных. Но не нашли. В итоге, князь Г. Е. Львов благополучно добрался до Парижа, где и скончался в 1925 г.⁵

Режим заключения в арестном доме был менее строгий, чем в тюрьме №1. Переведенный в арестный дом из тюремного замка князь Г. Е. Львов, при поддержке тюремной администрации, даже оборудовал небольшой огород из четырех грядок, на котором работал и князь В. А. Долгоруков и другие заключенные⁶.

Впоследствии А. Г. Кабанов, в период его работы в Вятской ЧК, прочитал в колчаковской газете отзыв о себе и своих братьях князя Г. Е. Львова. Тот писал, что коммунисты Кабановы, Михаил, Алексей и младший Михаил, – тюремщики, но тюремщики гуманные⁷.

Епископа Тобольского и Сибирского Гермогена (в миру – Г. Е. Долганёва) арестовали в ночь на 29 апреля 1918 г. в Тобольске. По некоторым данным, об этом распоряжился лично П. Д. Хохряков. Тюменский епархиальный съезд послал в Екатеринбург депутацию, которая вступила с советскими руководителями в переговоры о выкупе Гермогена. Торги начались с суммы в 100 тысяч рублей и дошли до 10 тысяч. Деньги были переданы тому же Хохрякову, а депутацию больше никто не видел⁸.

Впоследствии оказалось, что группа священнослужителей из Тобольска 10 июля 1919 г. была расстреляна сотрудниками ЧК Г. П. Никулиным и В. А. Сахаровым. Делясь своими воспоминаниями в радиокомитете СССР 13 мая 1964 г., Г. П. Никулин, член партии с марта 1917 г., поведал о жутких подробностях этого расстрела. Членов делегации Епархиального съезда, приехавших из Тобольска хлопотать за епископа Гермогена, как и протоиерея А. А. Долганова, Никулин со своим дружкой Сахаровым отвезли в лес и расстреляли. Так как почва была каменистая и рыть могилу сотрудники «летучего отряда» ЧК не захотели, трупы сбросили в шурф, оказавшийся неглубоким. Приехав на следующий день осуществить контроль, Никулин с Сахаровым услышали «невероятный вой. Едем дальше – еще слышим: вой, грызня какая-то идет. Оказывается, там уже волки расправляются, понимаете, над этими [...] Мы их, конечно, выстрелами разогнали, а сделать ничего не смогли. Некогда было»⁹.

Группа заложников из 20 человек, взятых после гибели комиссара И. М. Малышева, также содержалась в тюрьме №2. Накануне уничтожения она была передана уральскими чекистами Хохрякову. Об этом поведал помощник организатора расстрела царской семьи Якова Юровского тот же Г. П. Никулин. Принимая арестантов, Хохряков выдал Никулину расписку в том, что таковые приняты им для «отправки в поля Елисейские», что на чекистском жаргоне тех лет означало физическую ликвидацию. Поначалу предполагалось, что эта группа заложников в полном составе должна отправиться в Тобольск с отрядом Хохрякова, численностью около 300 человек и названном для устрашения «Отрядом карательной экспедиции тобольского направления», как гарантия безопасности отряда¹⁰.

Но решение было изменено и по постановлению Президиума Исполкома Уральского Совета от 28 июня 1918 г., в качестве мести за смерть Уральского областного комиссара труда И. М. Малышева, заложники были расстреляны. Их вывезли на восьмой километр Тюменской дороги за станцией Екатеринбург II, у дач Агафурова, расстреляли и бросили тела на город-

⁵ Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург-Свердловск-Екатеринбург. История городской власти (1745—1919). Екатеринбург, 2003. С. 235.

⁶ Жук Ю. Претерпевшие до конца... С. 35, 547.

⁷ Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи... С. 134.

⁸ Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург-Свердловск-Екатеринбург. С. 235.

⁹ Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи... С. 123, 240.

¹⁰ Жук Ю. Претерпевшие до конца... С. 327.

ской мусорной свалке. Сумел сбежать только один – бывший гласный и секретарь Екатеринбургской городской думы, с 1917 г. редактор газеты «Зауральский край» Н. П. Чистосердов. После прихода в город чехов и казаков Чистосердов стал помощником начальника гарнизона по гражданской части. В 1919 г. – управляющий Пермской губернией. Эмигрант. Был впоследствии арестован в 1945 г. в Китае, умер в «Востураллаге»¹¹. Это был первый массовый расстрел в Екатеринбурге, произведенный чекистами.

Жандармский подполковник Стрельников, находившийся в другой группе заложников, рассказал, как партию арестованных из 11 человек привезли из тюрьмы №2 на станцию Екатеринбург II (ныне Шарташ). Среди них были епископ Тобольский Гермоген, священник церкви Каменского завода отец П. И. Корелин, бывший екатеринбургский полицмейстер Г. И. Рупинский. Стрельникову удалось на станции сбежать, а остальных взял с собой отряд Хохрякова¹².

По воспоминаниям Петра Матвеевича Матвеева (бывшего подпрапорщика 2-го гвардейского стрелкового полка, зачисленного фельдфебелем роты в отряд особого назначения полковника Е. С. Кобылинского по охране царской семьи, доставившего ее в Тобольск), перешедшего затем к красным, – штаб отряда составляли П. Хохряков, В. Канглаги, Г. Дислер, И. Луцман, Когоницкий и сам П. Матвеев. В распоряжении отряда были три буксирных парохода и один пароход для связи. Любопытно, что на отдых они останавливались в родном для Г. Распутина селе Покровском, более того – в доме Распутина, и даже (как поведал Матвеев) нашли на чердаке письма императрицы Александры Федоровны Григорию Распутину¹³.

Таким образом, с отрядом Хохрякова были взяты из заложников лишь епископ Тобольский и Сибирский (с 8 марта 1917 г.) Гермоген и несколько офицеров. По одной из версий, 29 июня последнего из оставшегося в живых узников на пароходе «Ока», епископа Гермогена, после издевательств и глумления, утопили в р. Тобол¹⁴. По другой версии, это было сделано во время боя с отрядом белых у села Покровского на реке Туре 16 июня. Жителями Покровского тело Гермогена было найдено и захоронено в ограде церкви села, а 23 августа переправлено в Тобольск и погребено в пещере¹⁵.

В Екатеринбурге содержались в арестном доме, тюрьме №2, последовавшие за бывшим императором представители рода Рюриковичей: гоф-маршал Министерства Императорского Двора и Уделов, генерал-майор, князь **В. А. Долгоруков 1-й** и представитель рода основателя Екатеринбурга В. Н. Татищева генерал-адъютант, генерал-лейтенант, граф **И. Л. Татищев**. *(Между прочим, в роду И. Л. Татищева насчитывалось шестеро святых Русской православной церкви – Владимир I Святой, княгиня Ольга, Анна Ярославна – дочь Ярослава Мудрого и королева Франции, Князь Смоленский Мстислав Владимирович, Ростислав Мстиславович и Мстислав Ростиславович Храбрый)*¹⁶.

Здесь же содержались фрейлина императрицы графиня **А. В. Гендрикова** и гоф-лектриса **Е. А. Шнейдер** (они позднее были расстреляны в Перми), поваренный ученик **И. Д. Седнев** и камердинер **К. Г. Нагорный** (расстреляны 28 июня в Екатеринбурге по постановлению Президиума Исполкома Уральского Совета в числе заложников, арестованных после гибели И. М. Малышева), камердинеры **А. А. Волков** и **Т. И. Чемадунов** и другие.

17 (30) апреля 1918 г. в Екатеринбург из Тобольска была доставлена часть царской семьи. Сопровождавший ее 50-летний князь В. А. Долгоруков постановлением председателя Президиума Исполкома Уралоблсовета А. Г. Белобородова «в целях охраны Общественной безопас-

¹¹ Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. Екатеринбург, 2005. С. 181—182.

¹² Кручинин А. М. Указ. соч. С. 82.

¹³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149а. Л. 170.

¹⁴ Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург-Свердловск-Екатеринбург... С. 235—236.

¹⁵ Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи... С. 211.

¹⁶ Жук Ю. Претерпевшие до конца... С. 188.

ности» сразу же был препровожден в тюрьму №2. Причем постановление князю было предъявлено только 3 мая. Впрочем, его арест предписывался еще решением Президиума ВЦИК от 1 апреля.

10 (23) мая 1918 г. из Тобольска в Екатеринбург были доставлены оставшиеся в Тобольске из-за болезни Алексея члены царской семьи. Почти сразу же от группы прибывших были отделены граф И. Л. Татищев, графиня А. В. Гендрикова, гоф-лектриса Е. А. Шнейдер, камердинер А. А. Волков и также отправлены в тюрьму №2.

При этом 69-летний Чемадуrow с 17 (30) апреля до 24 (11) мая находился в Доме особого назначения вместе с царской семьей. Но когда его физическое состояние после перенесенной на ногах простуды ухудшилось, он был помещен в тюремную больницу, а затем в одну камеру тюрьмы №2 вместе с Татищевым и Волковым. После освобождения 25 июля отрядом Зотова заключенных Чемадуrow отправился за женой в Тобольск, где и скончался через несколько месяцев.

Между 7 и 10 числами июня 1918 г. исполняющий обязанности председателя Екатеринбургской ЧК Николай Александрович Бобылев отдал устный приказ сотрудникам ЧК Г. П. Никулину и В. А. Сахарову уничтожить В. А. Долгорукова и И. Л. Татищева. Исполнители вывезли их недалеко от тюрьмы в лес, за Ивановское кладбище, расстреляли, а тела бросили, даже не пытаясь их закопать или спрятать. Вскоре тела убитых были обнаружены и похоронены в неизвестной могиле¹⁷.

Г. П. Никулин вспоминал: «Вот, я помню, что когда надо было расстреливать Долгорукова, так было задание: – „Заройте!“ А где там зарывать [...] Там штык [...] Лопатой не возьмешь, понимаете, – уже камни [...] Никак нельзя было вырыть, понимаете, могилу. Но что делать? Раздеть, понимаете, изуродовать морду, понимаете, и бросить там. Потом позвонить в милицию, в уголовный розыск, и сообщить, что там-то и там-то труп обнаружен. – „Уберите!“»¹⁸.

Последние дни тюрьмы №2 при большевиках описаны в воспоминаниях Алексея Кабанова (1890—1972), хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края. 29 апреля 1918 г. он прибыл в Екатеринбург и в этот же день поступил на работу в Уральскую областную чрезвычайную комиссию. Участник расстрела царской семьи, в ночь на 19 июля он один находился в Ипатьевском доме. Уральская облЧК еще до расстрела эвакуировалась в Вятку. В советских учреждениях города оставалось по одному человеку. «Вместо эвакуированного Начальника Дома Предварительного Заключения (так А. Кабанов называет тюрьму №2. – К. С.) – моего старшего брата Кабанова Михаила, остался мой младший брат – Кабанов Михаил [...] Я позвонил Михаилу-младшему, чтобы он пришел ко мне ночевать. Он быстро пришел ко мне и рассказал, что у него (в Доме Предварительного Заключения) около двухсот заключенных, 200 винтовок, много ручных гранат, а служащие и охрана вся разбежались. Он просил моего совета; сам он решение принял такое, что в каждую камеру бросить ручную гранату и уехать. Я ему сказал, что это делать нельзя, так как его заключенные – не осужденные, а подследственные и среди них, несомненно, много невиновных. Я ему посоветовал все оружие тайно зарыть в землю и замаскировать. Камеры все открыть, уехать на фронт (раньше он был артиллерийским старшим унтер-офицером)»¹⁹.

После расстрела царской семьи, 20 июля, одним поездом вместе с семьей Юровского, в Пермь отправили и екатеринбургских узников – А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдер, А. А. Волкова, и находившуюся в это время в Екатеринбурге супругу Великого князя Иоанна Константиновича Елену Петаровну (Петровну) Романову (Сербскую) (1884—1962). До отъезда она

¹⁷ Жук Ю. Указ. соч. С. 29—32, 36—41, 118, 122.

¹⁸ Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи... С. 123.

¹⁹ Плотников И. Ф. Указ. соч. С. 142.

находилась под арестом с 7 по 20 июля в здании УралоблЧК, в бывшей Американской гостинице (ул. Малышева, д. 41)²⁰.

И здесь, в Перми, к расстрелам приложил руку организатор убийства царской семьи Ф. Голощекин. Он значился в числе лиц, эвакуировавшихся в Пермь, и по документам, и по воспоминаниям. В числе политических заключенных, которыми занималась облЧК, увезенных 20 июля из Екатеринбурга в Пермь, был С. Н. Смирнов (секретарь Сербской миссии в Москве, в последующем секретарь Елены Петровны). Давая показания следователю Соколову, он говорил о том, что Голощекин как «главное лицо» в сопровождении «комиссаров» дважды приходил в пермскую тюрьму для решения вопроса о последовавших расстрелах. А. В. Гендрикову и Е. А. Шнейдер в Перми расстреляли в ночь на 4 сентября 1918 г., а А. А. Волкову во время расстрела удалось бежать. Он умер во Франции в 1928 г.²¹.

После побега из-под расстрела в Перми А. А. Волков с трудом пробрался в Екатеринбург, уже занятый чехословаками. При этом он сразу отправился в тюрьму №2, где приветливо был встречен ее служащими и начальником тюрьмы (*по-видимому, это был помощник начальника П. Шечеков. – К. С.*). Они помогли ему купить одежду, накормили и отвели на прием, как вспоминал Волков, к «губернатору» Чистосердову, который сам тоже сбежал из-под расстрела (*на самом деле Чистосердов в то время был помощником начальника гарнизона по гражданской части. – К. С.*)²². В последующем Волков отправился в Тобольск и далее – в эмиграцию.

При отступлении в 1919 г. из Екатеринбурга колчаковской армии Шечеков, сопровождая заключенных тюрьмы №1, начальником которой стал при белых, 13 июля 1919 г. одним из последних эвакуировался в Томск вместе со своими помощниками Шурыгиным и Трубниковым²³. Позже, в Сибири, Шечеков был арестован и расстрелян чекистами²⁴.

Продолжала тюрьма №2 функционировать и при белых. История арестного дома продолжилась и после занятия города красными войсками. Причем на первых порах в ней содержались провинившиеся красноармейцы. Впрочем, это темы отдельного исследования.

²⁰ Жук Ю. Претерпевшие до конца... С. 119, 488.

²¹ Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи... С. 28, 209.

²² Жук Ю. Претерпевшие до конца... С. 313.

²³ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 103. Л. 57—60.

²⁴ Болковский А. История Екатеринбургской тюрьмы // Урал. 2007. №12. URL: <http://magazines/ural/2007/sas8/html>

Парфенова Е. Г. **Арестный дом (тюрьма №2) в свете** **краеведческих и архивных материалов**

История арестного дома возникла в моей жизни совершенно неожиданно. На протяжении нескольких лет вместе с друзьями из Свято-Елизаветинского православного братства мы проводили прогулки по городу, рассказывая об истории дореволюционного Екатеринбурга. Заканчивались они прогулкой к месту бывшего ночлежного дома и ночлежной площади, которая сейчас известна как площадь Обороны. Среди найденных материалов об этом месте вдруг обнаружили данные о здании заброшенного корпуса 1-й городской больницы, который, как оказалось, когда-то был арестным домом, или тюрьмой №2. В течение двух лет удалось собрать краеведческие заметки, различные статьи и архивные материалы об этом скорбном месте и даже встретиться с потомками одного из узников – князя Александра Владимировича Голицына. Память об узниках побудила и к тому, чтобы 30 октября 2019 г. впервые в рамках Всероссийской акции «Молитва памяти»²⁵ почтить память невинно пострадавших в этом месте, чьи имена удалось установить.

В этой небольшой статье представлена часть сведений об арестном доме и его «сидельцах», относящихся к 20-м и 30-м годам XX века, когда арестный дом стал для многих узников последним земным прибежищем, а прилегающая к нему площадь стала слыть в народе площадью скорби. Особый интерес в изучении истории этого скорбного места представляют воспоминания известного уральского краеведа Василия Некрасова, который в семилетнем возрасте стал очевидцем событий, связанных с арестным домом.

«Помню, мне шел седьмой год, мы с мамой к шести утра отправились к этой самой тюрьме, чтобы занять очередь для того, чтобы отдать передачу. Вся площадь (теперь площадь Обороны) была занята людьми, ожидающими очереди на передачу родственникам. С мамой сидели мы долго, и уже в полдень выкрикнули ее и спросили, кому она несет передачу, хотя при записи она сообщила, что передача для ее матери и сестры Хомутовых. Мама со мной подошла к окошечку проходной. Снова появился охранник, вышедший из проходной, и пригласил мать во двор тюрьмы, а мне приказал вернуться на то место, где мы сидели на полянке. Я вернулся, долго сидел, хотелось есть и пить, площадь опустела, а я сидел и ждал. Уже к вечеру снова появился охранник и, подходя ко мне, сказал, что мама долго не придет и чтобы я шел домой. Для ребенка это не ближний путь – шагать от площади 2-й тюрьмы до конца улицы Карла Либкнехта. Долго я шел, шел, еще ничего не понимая. Отец был дома – он спросил меня, почему я один. Я все рассказал и тогда разревелся – ведь, как я понял, маму арестовали [...]»²⁶.

В воспоминаниях Василия Некрасова сохранилась схема расположения основного здания арестного дома, его двора со всеми хозяйственными постройками, домами коменданта, караульного и выездного наряда. Также обозначены две липовых аллеи, одна из которых вместе с рядом расположенной кирпичной стеной сохранилась до наших дней, они являются немymi свидетелями событий тех лет, возможно и расстрелов, которые происходили в подвалах или дворе арестного дома. Эти факты требуют своего документального подтверждения.

Упоминается арестный дом и имена его узников в публикации Владимира Филатова, постоянного автора журнала «Урал»: «Чекистская репрессивная машина работала споро. Мно-

²⁵ Акция «Молитва памяти» (молитвенное чтение имен всех пострадавших в годы советских репрессий) проводится, начиная с 2010 года, по инициативе Преображенского братства более чем в 30 городах России, ближнего зарубежья и мира.

²⁶ Некрасов В. Прошедшие века останутся в душе... (воспоминания потомственного екатеринбуржца) // Уральская старина. Литературно-краеведческие записки. Вып. 8. Екатеринбург, 2006. С. 12.

гим были приготовлены места в двух исправительных домах, двери которых открывались только в одну сторону. Один дом создали возле Ивановского кладбища, второй – в квартале улиц Декабристов – Тверитина и Обсерваторской – Кузнечной. Заместитель председателя ГубЧК, некая Штальберг, днем выносила смертные приговоры, а ночью спускалась в подвалы и приводила их в исполнение»²⁷.

29 мая 1922 г. в городе прошли массовые аресты. Среди арестованных был *Эдуард Ромуальдович Гусарский*. Он умер от сыпного тифа 14 августа в доме заключенных №2.

Также им приводится интересный факт об издании арестованными студентами рукописного литературного сборника «Порыв»: «Заключенные, люди образованные и интеллигентные, ожидая своей участи, издавали рукописный литературный сборник „Порыв“ под редакцией заведующего учебно-воспитательной частью А. В. Лебедева. В нем они и почтили память умершего товарища, написав, что покойный окончил два факультета Киевского университета: медицинский и юридический; что в молодости много путешествовал по Америке, Индии, Африке, побывал почти во всех европейских странах; что на Урал приехал с Веймарном и был его ближайшим сотрудником по образованию канцелярии и лабораторий в Горном институте, потом и в Уральском университете. „Мир твоему праху работник науки“, – скорбно закончили некролог сидельцы камеры №1, возможно, завидуя покойному»²⁸.

Василий Некрасов вспоминает, что с конца 1920-х гг. тюрьма стала женской. «В 30-е годы там содержались женщины, проходящие по политическим делам, в основном – родственницы „врагов народа“: местных и уездных купцов и промышленников, а затем – и репрессированных деятелей советской власти». Здание использовалось органами НКВД и МВД вплоть до 1953 г. После этого комплекс передали городской больнице №27²⁹.

Несмотря на замечание, сделанное Василием Некрасовым, о том, что тюрьма с конца 1920-х стала женской, известно, что в ней содержались не только женщины. Так, в последующие 30-е гг. в арестном доме содержались несколько десятков человек, обвиненных в том, что они являлись участниками контрреволюционной белогвардейской террористической организации, существовавшей в городе Свердловске, и на протяжении ряда лет проводили подрывную вредительскую работу, готовили террористические акты над руководителями партии и правительства. Всего по делу³⁰ проходило 88 человек, в том числе основатель Свердловского зоопарка — *Валерий Николаевич Шлезигер*. Все они были расстреляны в один день – 7 марта 1938 г. По протоколам допросов 44 человека находились в заключении именно в этом арестном доме (тюрьме №2). Это были люди совершенно разных профессий, случайным образом собранные вместе, – парикмахер, служащие (более десяти бухгалтеров), рабочие строительных специальностей, учителя, священник и дьякон Михайловской церкви и Свято-Троицкой церкви и уже упомянутый Валерий Николаевич Шлезигер, заведующий зооучастком Свердловского зоопарка.

После этого массового расстрела кошунственно звучат строки Определения №488 Военного трибунала Уральского военного округа³¹: « [...] рассмотрев в заседании от 6 апреля 1956 года протест в порядке надзора Военного прокурора Уральского военного округа на постановление тройки УНКВД Свердловской области от 26 февраля и 14 марта 1938 года, на основании которого расстреляны с конфискацией лично принадлежавшего им имущества

²⁷ Филатов Владимир. «Пусть наша жизнь всегда будет воскресеньем». Уральские студенты под следствием ГубЧК // Урал. 2012. №9. URL: <http://uraljournal.ru/work-2012-9-416>.

²⁸ Там же.

²⁹ Некрасов В. Арестный дом Екатеринбурга // Уральская старина. Литературно-краеведческие записки. Вып. 10. Екатеринбург, 2008. С. 252—253.

³⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15754 (старый номер Д. 16822). Т. 1, 2. Л. 1—447.

³¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15754 (старый номер Д. 16822). Т. 8. Л. 289—292.

(далее имена 88 расстрелянных, смотри именные справки на узников арестного дома в Приложении).

Военный прокурор в своем протесте указывает, что Нехаев, Клепков, Костин и другие, *все 88 человек по данному делу были арестованы без санкции прокурора, без всяких объективных доказательств виновности каждого* и обвинения на основании только их неконкретных и противоречивых признательных показаний, за исключением Семенчик, Иноземцева, Войтехова, Белоусова, Продан, Белоусова Б. и Саковича, которые виновными себя не признали [...] Произведенной по делу проверкой в 1955—1956 гг. установлено, что *никаких данных о существовании в городе Свердловске белогвардейской контрреволюционной организации, в принадлежности к которой обвинялись Нехаев, Клепков, Костин и все остальные по данному делу лица, соответствующие органы не имеют, что указанная организация в которой, якобы, состояли все арестованные по данному делу лица создана искусственно и следственные материалы сфальсифицированы бывшими сотрудниками УНКВД [...]*».

Вот какое горькое наследие хранят в себе эти безмолвно стоящие здания, мимо которых спешат по своим делам жители микрорайона, а на площади гуляют дети и подростки, не подозревая о трагических страницах истории этого места. Очень хочется надеяться, что немота отверзнется и в этом скорбном месте общими усилиями горожан мы сможем сделать хотя бы небольшую уличную экспозицию в память о всех «убитых задешево», чтобы эта трагедия никогда больше не повторилась.

Приложение

СПИСОК РАССТРЕЛЯННЫХ ПО ДЕЛУ №16822, 1938 г.³² (заключенных в арестный дом, тюрьму №2)

АХЛЮСТИН Федор Сергеевич

1904 года рождения, место рождения – Челябинская обл., Уфалейский р-н, п. Каслинского завода, русский, проживал – г. Свердловск, работал – трест «Востоксантахстрой», мастер, арестован 22.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

БЕККЕР Иван Иванович

1887 года рождения, место рождения – Украинская ССР, Киевская обл., Белоцерковский р-н, русский, проживал – РСФСР, г. Свердловск, работал – контора «Главалюминий», уполномоченный по снабжению, арестован 11.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

БЕЛОУСОВ Борис Петрович

1909 года рождения, место рождения – РСФСР, Архангельская обл., г. Пенегга, русский, проживал – г. Свердловск, работал – трест «Уралэнергострой», электрик, арестован 11.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ВОЙТЕХОВА Вера Ивановна

1881 года рождения, место рождения – г. Свердловск, русская, проживала – г. Свердловск, работала – Свердловская консерватория им. М. П. Мусоргского, преподаватель музыки, арестована 16.02.1938, осуждена 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ВЫБОРНОВ Сергей Алексеевич

³² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15754 (старый номер Д. 16822). Т. 2. Л. 1—447.

1905 года рождения, место рождения – Калининская обл., Кашинский р-н, с. Веденское, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Уралмашзавод, слесарь, арестован 09.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ВЯТКИН Петр Васильевич

1883 года рождения, место рождения – РСФСР, Свердловская обл., Еловский р-н, д. Зебей, русский, проживал – г. Свердловск, работал – артель инвалидов «Уралец», начальник снабжения, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ГАВРИЛОВ Николай Петрович

1895 года рождения, место рождения – Россия, Оренбургская губ., с. Ташла, русский, проживал – РСФСР, г. Свердловск, работал – домоуправление 10—33, бухгалтер, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ГОРЧАКОВСКИЙ Владимир Леонтьевич

1897 года рождения, место рождения – Казахская ССР, Карагандинская обл., г. Петропавловск, русский, проживал – г. Свердловск, работал – строительство дома областной сберкассы, старший бухгалтер, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ДУМАНОВСКИЙ Самуил Сергеевич

1900 года рождения, место рождения – Украинская ССР, Одесская обл., с. Сариевка, украинец, проживал – РСФСР, г. Свердловск, работал – школа №8, учитель, арестован 09.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ЗОЛОТУХИН Прокопий Петрович

1875 года рождения, место рождения – Челябинская обл., г. Верхнеуральск, русский, проживал – г. Свердловск, работал – областное управление лесами, бухгалтер, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ИВАНОВ Виктор Иванович

1893 года рождения, место рождения – Грузинская ССР, г. Тбилиси, русский, проживал – РСФСР, г. Свердловск, работал – Урало-Башкирская межобластная контора «Цветметлом», начальник производственной группы, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

КАЗАНЦЕВ Иван Егорович

1878 года рождения, место рождения – Челябинская обл., Камышловский р-н, с. Гарашки, русский, проживал – г. Свердловск, работал – магазин №2, сторож, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

КАТИН Николай Федорович

1889 года рождения, место рождения – РСФСР, Татарская АССР, Казанский р-н, с. Ключи, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Свердловская контора «Союзснабторг», товаровед по черным металлам, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

КОЛЕСНИКОВ Кузьма Ильич

1885 года рождения, место рождения – Казахская ССР, Кокчетавский р-н, с. Алексеевка, русский, проживал – РСФСР, г. Свердловск, работал – Свердловская контора «Главпарфюмер», доверенный по сбыту, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

КОНЯЕВ Леонид Александрович

1896 года рождения, место рождения – г. Свердловск, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Облстройсоюз, бухгалтер-инструктор, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

КОСЕНКОВ Иван Иванович

1893 года рождения, место рождения – Россия, Симбирская губ., Сенгилеевский у-д, с. Теренога, русский, проживал – РСФСР, г. Свердловск, работал – учебный комбинат Облвинторга, главный бухгалтер, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

КОСК Александр Антонович

1896 года рождения, место рождения – Тюменская обл., г. Ялуторовск, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Уралмашзавод, помощник заведующего экспедицией, арестован 16.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

КРАЕВ Павел Алексеевич, священник

1893 года рождения, место рождения – Кировская обл., Нагорский р-н, с. Нагорское, русский, проживал – г. Свердловск, священник Михайловской церкви, арестован 11.02.1938, осужден 26.02.1938, мера наказания – расстрел 07.03.1938

ЛЕВИН Петр Андреевич

1898 года рождения, место рождения – РСФСР, г. Куйбышев, русский, проживал – г. Свердловск, работал – автобаза «Автогужтреста», бухгалтер. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ЛЕОНТЬЕВ Николай Гаврилович

1896 года рождения, место рождения – РСФСР, Забайкальская обл., с. Горбица, русский, проживал – г. Свердловск, работал – контора «Посылторг», бухгалтер. Арестован 9 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ЛЕВЧЕНКО Валентин Васильевич

1917 года рождения, место рождения – Свердловская обл., г. Нижний Тагил, русский, проживал – г. Свердловск, работал – институт черных металлов, лаборант. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

МАЙОРОВ Петр Иванович

1890 года рождения, место рождения – РСФСР, Куйбышевская обл., Барановский р-н, с. Луневка, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Уралмашзавод, каменщик. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

МАЛЬГИНОВ Павел Васильевич

1907 года рождения, место рождения – РСФСР, Молотовская обл., Ординский р-н, п. завода Ашап, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Ивановская церковь, дьякон. Арестован 11 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

МУРДАСОВ Иосиф Анемподистович

1888 года рождения, место рождения – РСФСР, Башкирская АССР, Аскинский р-н, с. Куяштыр, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Святотроицкая церковь, священник. Арестован 11 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

НЕХАЕВ Павел Иванович

1889 года рождения, место рождения – Тюменская обл., г. Ишим, русский, проживал – г. Свердловск, работал – мясокомбинат, начальник оперативного учета. Арестован 9 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ПАНКОВ Дмитрий Петрович

1896 года рождения, место рождения – РСФСР, Челябинская обл., Троицкий р-н, д. Кособродская, русский, проживал – г. Свердловск, работал – «Уралтурбоэлектромашстрой», старший бухгалтер. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ПОЛЕЖАЕВ Павел Алексеевич

1883 года рождения, место рождения – РСФСР, г. Свердловск, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Госбанк, старший консультант. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ПРИБЫЛЕВ Федор Алексеевич

1902 года рождения, место рождения – Свердловская обл., Уинский р-н, с. Суда, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Уралобувьстрой, бухгалтер. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ПРОДАН Василий Федорович (Федотович)

1894 года рождения, место рождения – Украина, Полтавская губ., Кобеляцкий у-д, д. Пловещена, украинец, проживал – РСФСР, г. Свердловск, работал – артель «Ударник», механик. Арестован 9 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

РОМАНЧУК Петр Григорьевич

1894 года рождения, место рождения – РСФСР, Иркутская обл., Черемховский р-н, с. Бельское, русский, проживал – г. Свердловск, работал – завод безалкогольных напитков, бухгалтер. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

СЕМЕНЧИК Виктор Романович

1895 года рождения, место рождения – Белоруссия, Гродненская губ., Гродненско-Волынская вол., д. Зубры, белорус, проживал – РСФСР, г. Свердловск, работал – трест вяжущих стройматериалов, главный бухгалтер. Арестован 9 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

СИПИН Николай Александрович

1890 года рождения, место рождения – Тюменская обл., г. Тобольск, русский, проживал – г. Свердловск, пенсионер. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

СКВОРЦОВ Александр Петрович

1893 года рождения, место рождения – Россия, Томская губ., с. Салаир, русский, проживал – г. Свердловск, работал – фабрика им. Ленина, амбулатория, бухгалтер. Арестован 15 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

СУХОВ Сергей Васильевич

1888 года рождения, место рождения – Новосибирская обл., г. Барнаул, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Михайловская церковь, дьякон. Арестован 11 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ТАРАН Николай Михайлович

1900 года рождения, место рождения – РСФСР, Краснодарский край, стан. Тимашевская, русский, проживал – г. Свердловск, работал – областной союз промысловой кооперации, бухгалтер. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ТОЛСТЫХ Дмитрий Иванович

1880 года рождения, место рождения – Свердловская обл., Туринский р-н, с. Дымковское, русский, проживал – г. Свердловск, работал – трест «Росглавмолоко», кладовщик. Арестован 11 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ТЮШНЯКОВ Николай Григорьевич

1901 года рождения, место рождения – РСФСР, Челябинская обл., Уксянский р-н, с. Бугаево, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Уралмашзавод, ж. д., столяр. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

УЛЬЯНОВ Николай Гордеевич

1894 года рождения, место рождения – РСФСР, Молотовская обл., Частинский р-н, д. Тепляки, русский, проживал – г. Свердловск, работал – ОблЗО, главный бухгалтер. Арестован 16 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

УРВАНЦЕВ Александр Иванович

1887 года рождения, место рождения – Кировская обл., Нолинский р-н, д. Корноуховина, русский, проживал – г. Свердловск, работал – контора «Главстекло», бухгалтер. Арестован 9 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ФУКАЛОВ Павел Степанович

1880 года рождения, место рождения – г. Свердловск, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Пищепром, сторож. Арестован 9 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ЦАРЕВ Василий Васильевич

1891 года рождения, место рождения – РСФСР, г. Ленинград, русский, проживал – г. Свердловск, работал – клуб строителей, парикмахер. Арестован 9 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ШАБУНИН Иван Иванович

1888 года рождения, место рождения – г. Свердловск, русский, проживал – г. Свердловск, не работал. Арестован 9 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ШЛЕЗИГЕР Валерий Николаевич

1894 года рождения, место рождения – г. Свердловск, русский, проживал – г. Свердловск, работал – Свердловский зоопарк, заведующий зоочастью. Арестован 11 февраля 1938 г., осужден 26 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

ШУМИХИН Петр Григорьевич

1894 года рождения, место рождения – Свердловская обл., п. Билимбай, русский, проживал – г. Свердловск, работал – артель «Облутильхимпромсоюз», бухгалтер. Арестован 9 февраля 1938 г. Расстрелян 7 марта 1938 г.

Печуркина Р. А.
Честь и совесть, ставшие мишенью.
(о репрессированных родственниках
Софьи Андреевны Толстой-Берс)
Впервые опубликовано: Областная
газета. 1997. 30, 31 октября

Вряд ли такое начало повествования понравится одному из его героев, новосибирскому профессору Андрею Александровичу Берсу, но я все-таки «станцую от печки», большой русской «печки», которая именуется Лев Николаевич Толстой.

Эти «полубелые» Берсы

Из студенческого фольклора известно, что «жена его Софья Андреевна [...] босиком не ходила, хранила дворянскую честь», хотя семья Берс, из которой она происходила, не столь родовита, как графы Толстые.

У Софьи Андреевны было четыре брата. Старший из них, Александр Андреевич, орловский вице-губернатор, имел сына Андрея Александровича, офицера. У Андрея Александровича был сын, историк, который, конечно же, звался Александр Андреевич. Наконец цепочка дошла до нашего нового знакомого, Андрея Александровича Берса, кибернетика. Двух последних Берсов в этой цепочке мы можем считать своими земляками, их жизнь тесно связана с Екатеринбург-Свердловском. Но вернемся к началу.

Все Берсы часто и подолгу гостили у Толстых в Ясной Поляне. Старший сын писателя Сергей Львович отмечает в своих воспоминаниях за 1881 г.: «В феврале в Ясную Поляну приезжал дядя Александр Андреевич Берс со своей красавицей женой Патти Дмитриевной, рожденной кн. Эристовой».

У Льва Николаевича была своеобразная классификация родственников: он делил всех Берсов на «черных» и «белых». Более ему симпатичны «черные» Берсы, к ним он относил и Софью Андреевну. Они умны, но у них «равнодушие к умственным интересам. А спит у них ум оттого, что они сильно любят. У белых Берсов участие большое к умственным интересам, но ум слабый и мелкий. Саша пестрый, полубелый».

«Полубелому» Саше Лев Николаевич исповедовался в минуту жизни трудную. Хрестоматийный случай, который рассказывают студентам и школьникам в качестве иллюстрации душевного отношения графа Толстого к простому народу, известен, оказывается, из письма Льва Николаевича к шурину Александру Андреевичу: «Можешь себе представить, что после прошлогодней истории быка, убившего человека, приняты все меры, и неделю тому назад молодой бычок на привязи убил человека, который, исполняя мое приказание, отвязывал его. Я трое суток ходил за этим человеком, и он умер, и хочешь не хочешь, я чувствую на себе смерть этого человека и мучаюсь ужасно».

Александру Андреевичу доводилось играть роль не только «жилетки», в которую плакался великий родственник, но также источника, из которого тот черпал сюжеты для произведений, ставших русской классикой. Вот тому свидетельство, письмо Льва Николаевича Татьяне Андреевне Кузьминской, урожденной Берс: «Таня, милый друг, сделай мне одолжение. Спроси у Саши, брата, можно ли мне в романе, который я пишу, поместить историю, которую он рассказывал об офицерах, разлетевшихся к мужней жене вместо мамзели, и как муж вытолкнул

и потом они извинялись. Дело у меня происходит в кавалерийском гвардейском полку, имена, разумеется, непохожие, да я и не знаю, кто были настоящие, но все дело так, как было».

А писал тогда Толстой «Анну Каренину», и сколько поколений потом читали, как Бронский в театральной ложе начинает свой рассказ кузине, княгине Бетси: «Это немножко нескромно, но так мило, так ужасно хочется рассказать... Я не буду называть фамилий...»

Листок, оторвавшись от ветки родимой...

Годы отсчитали с того письма полвека и пошли дальше, в нашу сторону. Канули в прошлое родовые усадьбы, театральные ложи. Полагалось о них забыть и исповедовать новые ценности. А один чудак помнил. Звали его Александр Андреевич Берс, чете Толстых он приходился внучатым племянником.

Александр Берс появился в Екатеринбурге в 1922 г. Ему дали комнату под крышей бывшей немецкой кирхи, что стояла неподалеку от оперного театра.

– Была в нем какая-то тайна, – говорит сегодня Софья Михайловна Максимова, одна из немногих живущих ныне людей, которые лично знали Берса. Мы разговаривали в квартире на юго-западе Екатеринбурга.

...Тогда ее звали Софинькой, она была младшей среди четырех дочерей агронома Никифорова. В их доме, что стоял на перекрестке улиц Большакова и Сурикова, все – и сестры, и их родители – жалели Александра. Уж слишком безжалостно швыряла его жизнь.

В усадьбе деда со стороны матери, Константина Васильевича Энгельгардта, с мальчиком говорили на разных языках по очереди – сегодня немецкий, завтра французский, послезавтра английский. Он учился в Московском реальном училище, мог рассчитывать на блестящую карьеру и устроенную жизнь. Но...

Переворот вырвал почву из-под ног, разметал семью. Мой отец Андрей Александрович Берс в 1931 г. проживал в Париже. Моя мать Мария Константиновна со вторым мужем Николаем Николаевичем Федотовым была в Красной армии в качестве сестры милосердия. Вместе с мужем в городе Могилеве в 1920 г. была арестована особым отделом ВЧК 16 армии, заболела тифом и лежала в тюремной больнице. Больше никаких сведений получить не удалось.

Постоянной крышей над головой у него тоже не было. Единственное, что всегда оставалось с ним, – его ум, его знание. Курс археологического института он освоил с перерывом на Гражданскую войну, которую прошел красноармейцем.

А может, тайна его была в том, что он, как дед его и полный его тезка, говоря словами Толстого, был «полубелый» и красным не стал, как ни старался. В Екатеринбурге-Свердловске Берсу удалось работать в облплане, облархиве, издательстве «Уралкнига», участвовать в археологических экспедициях.

Последнее обстоятельство во многом определило судьбу одной из сестер Никифоровых, Лизы. Она впервые работала на раскопках шестнадцатилетней девочкой. Видимо, все как-то переплелось: поиски ответов на загадки истории, восхищение загадочным, неисчерпаемо умным человеком с какой-то нездешней внешностью и необычной судьбой. Но пройдет семь лет, прежде чем она оставит родным записку: «Я ухожу к Берсу».

Судьба отнимет у нее мужа. Наука, общее их достояние, останется с ней навсегда.

Она умела видеть сквозь века

Уральские археологи сделали традицией Берсовские чтения. Нынче научным семинаром, уже третьим по счету, отметили 95-летие со дня рождения Александра Андреевича и 90-летие – Елизаветы Михайловны.

Из зала областного краеведческого музея, где чтения открывались, перебрались на берег Аятского озера. Здесь когда-то работала Елизавета Михайловна. Прошли по ее старым раскопам и своим новым, уселись на перевернутые вверх дном лодки и продолжили разговор.

Елизавета Михайловна все время незримо присутствовала рядом – ведь авторы докладов и сообщений – ее ученики, идут по ее следам. Она первой составила каталог археологических памятников Свердловска и его окрестностей, первая описала несколько новых археологических культур.

Казалось, она обладала способностью видеть сквозь землю и сквозь время. Может быть, поэтому ей «везло». Она сумела воссоздать процесс обработки металла на горе Думной в Полевском, понять, какими были уральские жилища древних эпох.

Ее сын Андрей Александрович, тот самый профессор информатики из Новосибирска – он тоже участвовал в Берсовских чтениях, – вспоминал, как однажды, уже на Алтае, ехал вместе с матерью и ее учениками по берегу Катунки к ее притоку.

– Я покажу вам голубые долины Едигана, – обещала Елизавета Михайловна.

Раскрылась долина, действительно голубая. Начали разворачивать лагерь. Берс тем временем пошла осмотреться. Шагала молча, сосредоточенно. Наконец позвала одного из учеников:

– Копни здесь, Юлик.

Юлик копнул. Сразу же пошел материал, свидетельствующий о том, что много веков назад эта точка была обитаемой.

На вопрос о том, как же об этом догадалась, Елизавета Михайловна улыбнулась:

– Все очень просто. Я представила, что мне надо здесь поселиться, выбрала место для жительства. И оказалась права.

Все просто... Она не усложняла жизнь. В жизни ее и так было полно сложностей. Одна за другой, крохотными, умерли две дочки, ГУЛАГ отобрал мужа. Сына приходилось растить в вечной нехватке денег и времени. Впрочем, в их среде не было принято вздыхать по этому поводу.

Специального образования она не получила. Ее «университетом» был муж. За годы, прожитые вместе с Александром Андреевичем, прошла под его руководством курс истории, археологии, геральдики, музееведения, искусствоведения. Могла беглым взглядом оценить экспонат: это подлинник, а это новодел.

Но право работать в археологии ей приходилось отстаивать снова и снова. Создала в Уральском университете археологический кабинет и возглавила его. Сын, закончив МВТУ им. Баумана, распределился в Новосибирск, и мать помчалась налаживать ему домашний уют.

Корифей сибирской археологии академик А. Окладников Елизавету Михайлову ценил, дал ей возможность поехать, покопать.

Она не любила Новосибирск, «город без прошлого». Тосковала по Свердловску, по Уралу. Но назад вернуться не получилось. Ее покой на кладбище Академгородка сторожит стальной идол – копия древнего, деревянного, найденного в долине Исети.

Она пережила мужа на 44 года.

...На Берсовских чтениях Александру Андреевичу тоже воздали должное. Пожилые уже люди вспоминали, как в юном возрасте завороченно слушали экскурсовода в областном антирелигиозном музее, что располагался в печально знаменитом Ипатьевском доме. Этим экскурсоводом был А. Берс.

Горе от ума

Среди его научных трудов – к сожалению, немногочисленных – есть брошюра «Пугачевщина на Урале». Молодой историк Д. Регин отметил, что в ней Берс, в отличие от других авторов советского времени, не воздает пугачевщине безоглядную хвалу, а сообщает, что поддержка ее вовсе не была единодушной. Мастерские уральских заводов не пошли за Пугачевым, а в отдельных случаях даже оказывали сопротивление. Заводское производство было для

них источником жизни, благосостояния, а стало быть, им никак не могло понравиться, что пугачевцы грабят и сжигают заводы-кормильцы.

Автор брошюры стремился быть честным историком, несмотря на опасность такой позиции.

С 1934 г. Берс работал в антирелигиозном музее техническим директором и научным руководителем. Уже не узнать, с какими чувствами входил он в двери Ипатьевского дома, который еще хранил память о страшной трагедии – убийстве царской семьи. Младшей сестре жены, Сонечке, говорил:

– Приходи, посмотри, какие иконы я там сохраняю.

Скорее всего, он, как всякий нормальный человек, видел в религии часть культуры. Но разве мыслимо было сказать об этом вслух! Однажды взгляды гостей от властей зацепились за два музейных экспоната: бюст Иоанна Кронштадтского и дореволюционную картинку, на которой наследник престола Алексей Романов принимает причастие в присутствии остальных членов семьи. При всем при этом не было подписей, сурово клеймящих церковь и самодержавие.

Это был повод, чтоб перервать рабочий стол Берса. Нашли листочек, где обрывками фраз обозначены известные анекдоты (классическое по тем временам доказательство антисоветских настроений), парижский адрес мужа двоюродной тетки, князя Святополк-Мирского (что «неопровержимо» свидетельствовало о подготовке к побегу за границу).

Самой же крупной поживой оказалось нарисованное рукой Александра Берса родословное древо Берсов – Эристовых – Энгельгардтов с рукописной пояснительной запиской к нему. Так он еще смеет гордиться своим дворянским прошлым!

Все смешалось в доме Никифоровых

Берсы жили вместе с родственниками Елизаветы Михайловны. Четверо незваных гостей, нагрянув вечером, перевернули его вверх дном. Александр Андреевич не выдержал этих вопросов, этого бесцеремонного рытья в книгах, письмах, любимых вещах. Старые вещи он любил любовью историка и коллекционера. Мог однажды вернуться домой без полушубка, но... в кольчуге, весьма довольный удачным обменом.

В разгар обыска он ударил антикварной тростью по антикварной «горке» с антикварной посудой. Усадив между охранниками, его увезли.

В тюрьме началась горячка, бред, кровохарканье. Полтора месяца не могли приступить к допросам.

Дом на улице Большакова замер тревожным ожиданием. Позднее арестовали мужей еще двух сестер Никифоровых.

Муж Софьи Михайловны, геолог, смеялся над ее тревогами:

– Да за что меня арестуют! Чем я могу навредить? Подменить синклиналь антиклиналью?

Когда-то он, молодой и любопытный, забрел к анархистам и на какое-то время у них задержался. «Кроткий наш анархист», – звала потом зятя Сонина мама.

Пришло время, когда ему припомнили, что однажды он вошел не в ту дверь... Арестовали и Софью. Пять лет она провела в Северном Казахстане, в лагере под Акмолинском, позднее Акмолой.

В саманных бараках, до блеска выскобленных женскими руками, было зверски холодно. Вопреки всем правилам, узниц выпускали с ночи до рассвета на озеро за тростником для печек. Триста женщин выбегали через распахнутые ворота.

Сегодня это все будто сон: освещенное луной белое пространство, молчаливый стремительный бег, ощущение простора и воли, шелест и треск камыша, бег назад, от свободы в неволю, с единственной панической мыслью: только бы успеть!

Сын за эти годы отвык от нее, стал чужим. Женщины в лагере жили мыслью о том, что выйдут на волю раньше своих любимых и успеют к их возвращению возродить разрушенный дом. А любимых уже не было в живых.

Муж старшей сестры, Надежды Михайловной, служил ветеринаром. В прошлом его угрозило побыть кандидатом в Учредительное собрание...

Его арестовали, ее отчислили из мединститута. Четверо репрессированных. Не слишком ли на одну семью...

Муж средней сестры, Елизаветы Михайловны, родился, как мы уже знаем, дворянином. Это, по логике следствия, и была главная его вина. Кроме родословного дерева обнаружилась весьма любопытная веточка.

Виноват от рождения

Матушка Александра Андреевича Берса Мария Константиновна была дочерью Константина Васильевича и внучкой Василия Васильевича Энгельгардтов. Если произнести это имя, Василий Васильевич, пять раз, в соответствии с «коленами» родовой истории, в которой сына звали как отца, а отца – как деда и прадеда, то у самого «древнего» Василия Васильевича обнаружится мать, графиня Екатерина Григорьевна фон Штрален. Фамилия, похоже, вымышленная, в переводе с немецкого означает Лучистая.

Отцом «Лучистой» Екатерины назван в родословной светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, а матерью – не менее лучезарная особа: Софья Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская. То есть Екатерина II.

Вот какую глубочайшую крамолу обнаружили доблестные чекисты в столе научного руководителя Свердловского антирелигиозного музея. Почему же хранил он эту родословную, недостойную советского служащего? Почему копал ее все глубже и глубже?

Александр Андреевич пытался растолковать по пунктам, зачем ему нужна родословная таблица. Во-первых, его изыскания одобрили и просили продолжать сотрудники толстовского музея, Центрального архива и других уважаемых научных учреждений. Во-вторых, для него важно разобраться в вопросе о передаче биологических свойств, чтобы понять причины ранней смерти его детей.

На завершение он приберег неотразимый аргумент: «Для меня лично место в социалистическом строительстве, при наличии чуждого происхождения и воспитания, определялось сознанием необходимости использовать свои биогенетические особенности и перестроить их на новые рельсы».

Пожалуй, такому намерению мог бы поаплодировать сам Трофим Лысенко, если бы не запнулся на слове «генетика». Но чекисты бдительность не потеряли и подловили Берса на другой крамольной фразе. Оказывается, во время какой-то эпидемии в Ишимском районе нынешний подследственный рвался туда спасать людей и аргументировал свое намерение так: «Дворянство, кроме звания, налагает и определенные обязанности».

Вот уж тут они приперли этого толстовского родственничка прямо к стенке! «Вы мотивировали действия так? Признаете себя в этом виновным?» Не отвертелся, дворянское отродье!

А еще руководителя антирелигиозного музея пытались подловить на религиозных чувствах. Тщательно выведывали: а правда ли, что несколько лет назад, еще до работы в музее, он молился (!!!), когда дома, по настоянию тещи, отпевали по христианскому обряду его крохотную дочку. Его вынуждали оправдываться. А мог ли он помнить, как держался тогда, в страшном горе!

Попытки устроить на работу «бывших людей» и нелегально перейти границу, сомнительное отношение к колхозам и сравнение Сталина с Аракчеевым – это уж «довески» к главным необъятным прегрешениям. Еще из «дела» ясно: его пытались привлечь к секретному сотрудничеству с «органами», а он упорно характеризовал тех, кто считался его «объектами», как

активных сторонников советской власти и потенциальных членов ВКП (б), чем «дезориентировал» органы ОГПУ-НКВД.

Итак, «гр-н Берс Александр Андреевич, 1902 г. р., русский, гражданин СССР, сын полковника царской армии – генерала белой армии, б. дворянин, родственник б. князьям Эристовым [...] изобличен в том, что вел антисоветскую пропаганду, ведет подготовку к нелегальному переходу границы СССР, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58.10 и 84 УК РСФСР».

В ноябре 1930 г. его отправили в поселок Медвежья Гора, в распоряжение Белбалтлага НКВД. Родные надеялись, что через три года, отбыв срок, он вернется домой. Но мыслимо ли обрести свободу как раз тогда, когда волны репрессий вышли из берегов. За год до предполагаемого освобождения последовал новый приговор.

Из справки о реабилитации: «Берс А. А. был обвинен в том, что является членом контрреволюционной фашистской террористической группы, работая лекпомом, оказывал помощь членам группы, незаконно освобождая их от работы. Постановлением тройки НКВД Карельской АССР от 20.09.37 г. Берс был приговорен к расстрелу. Приговор исполнен 28.09.37 г.»

Лекпом, помощник лекаря, брат милосердия... Такова была его роль на земле. Ведь до увлечения археологией он успел закончить в Московском университете два курса медицинского факультета. Видимо, собирался пойти по стопам прадеда, придворного доктора. В приговоре есть два слова правды: оказывал помощь. Свою роль дворянина он понимал именно так.

«Граф, пахать подано!»

За два неполных года – от приговора до приговора – он послал в Свердловск несколько писем – с суровой прозой и возвышенными стихами. До Елизаветы Михайловны дошли не все. Поэма из рыцарской жизни, с явными намеками на современность, складывается не полностью. А стихи, посвященные сыну, вот они:

Привет тебе,
мой маленький сынишка!
Привет тебе,
лучистый рыцарь мой.
Меня ты знаешь
только понаслышке,
Как образ сказки,
древней и чужой.
Мне не дано ловить
твой первый лепет,
Значенье слов
угадывать с трудом.
Твой профиль время
произвольно лепит
И тянет нити
в наш разбитый дом.
Большой медведь
стоит на задних лапах,
Твоей кровати
охраняя грань.
Могучий дуб
своей зеленой шляпой
Накроет солнца
огневую рань.

Я пчел пошлю,
чтоб мед тебе носили.
И рыбы сделают,
чего б ты ни хотел.
Я прикажу,
чтоб рыцаря хранили
Все знаки,
вписанные в гербовом щите.
Но, строя мир
и мир воспринимая,
Не забывай
про своего отца.
Пусть в трепетной
и быстrokрылой стае
Мелькнет эскиз
и моего лица.
Привет тебе,
мой маленький сынишка.
Привет тебе,
спокойно спи, дружок.
Я принял на себя
за годы передышки
Твой тяжкий крест
и сделал твой урок.

Эту отцовскую колыбельную с описанием фамильного герба (дуб, медведь, пчелы, рыбы) Андрей впервые прочел в 14 лет.

– Мама тогда сочла, что в это замечательное время я уже могу держать язык за зубами, – говорит Андрей Александрович.

Так, горьким прозрением, кончилось его пионерское детство. Вступать в комсомол он не стал. Работал, учился. Жил без поблажек себе. Мать бы ему не позволила.

– Граф, пахать подано! – иронично напоминала она о житейских обязанностях.

Сегодня он крупный ученый, доктор технических наук, член Международной академии информатики. А для нас, газетчиков, как бы свой человек. Когда в стране внедрялся компьютерный набор, значительно ускоривший процесс прохождения материала от журналистского блокнота до газетной полосы, именно Берс стоял у истоков, то и дело летал в Москву с удостоверением, в котором была вписана такая интересная должность: главный конструктор «Правды».

А еще он – философ от информатики. Красочно, увлеченно рассуждает об информационной картине мира, ее будущем.

Несколько лет назад ему передали «вещдоки» из отцовского дела, в том числе родословное древо. Он отнесся к нему с любопытством ученого и ироничностью потомственного интеллигента. Особенно не любит всяких охов и ахов по поводу родства предков с великим писателем:

– Извините, но к Льву Николаевичу я отношусь... с трудом, как все Берсы, потому что он обижал Софью Андреевну, которая родила ему тринадцать детей и девятерых из них вырастила! И еще Лев Николаевич поговаривал: «Берсам всегда сидеть неудобно, потому что у них ж... худая». Все Толстые такие важные. Зато мы – Берсы!

Он произносит фамилию, доставшуюся от родителей, с очень большой буквы.

Печуркина Р. А.
Предателем не был и не буду (о комкоре
С. А. Пугачеве, чья жизнь оборвалась
в лагере на территории Таборинского
района Свердловской области)
Впервые опубликовано: Областная
газета. 2009. 30 октября

Впалые, заросшие седой щетиной щеки, безнадежно усталый взгляд. Кто он? Неприкаянный человек без роду без племени? Нет, человек дворянских корней, элитной образованности, обладатель высокого воинского чина. Семен Андреевич Пугачев, недавний комкор (командир корпуса), начальник Военно-транспортной академии Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). А на служебных фотоснимках в фас и профиль – заключенный Тавдинского отделения Севураллага.

«Личное дело» С. Пугачева, хранящееся ныне в Информационном центре ГУВД по Свердловской области, оказалось внешне не слишком внушительным: выдавшая виды, скорее, тонкая, чем толстая, папка из мягкого картона, подклеенная скотчем. Если пересчитать в ней листы, то большая часть из них придется на квитки величиной в пол-ладони – вызовы на допросы.

Его арестовали осенью 1938 г. в Ленинграде, где он жил в доме академии, которую возглавлял. Сочтя, что «Пугачев Семен Андреевич, 1889 года рождения, уроженец г. Рязани, из дворян, бывший член ВКП (б), исключенный в 1937 году за связь с врагами народа, достаточно изобличается в том, что является участником антисоветского контрреволюционного заговора, по заданию которого проводил вредительскую работу в Военно-Транспортной Академии РККА», ему избрали мерой пресечения содержание под стражей.

За год, проведенный в Ленинградской тюрьме №1, до перевода в московскую «Бутырку», его допрашивали множество раз, причем порой дважды и трижды в сутки. Например, 5 марта 1939 г. – утром, днем, ночью. Самым длинным, четырехчасовым, был в этот день ночной допрос. Но допрашивали и дольше – 17 апреля мучили вечером с пяти до одиннадцати, а ночью вызвали снова.

Видимо, доказать участие в контрреволюционном заговоре было не так-то просто. Но доблестные службисты сумели. По всей вероятности, Семен Андреевич «во всем сознался», а потом устно и письменно раскаивался за свое «постыдное поведение на следствии». Есть сведения, что на суде он отказался от показаний, выбитых из него на допросах. Но все равно приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 октября 1938 г. гласил: «Пугачева Семена Андреевича лишить военного звания „комкор“ и подвергнуть лишению свободы сроком на пятнадцать лет, с поражением в политических правах на пять лет с конфискацией лично ему при надлежащего имущества с отбытием наказания в ИТЛ. [...] Возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении Пугачева двух орденов „Красное Знамя“, четырех орденов Союзных Автономных Республик и юбилейной медали в ознаменование XX-летия РККА».

ИТЛ – это, как известно, исправительно-трудовые лагеря. Пугачеву достался Северо-Уральский лагерь НКВД СССР, его Тавдинское отделение. В январе 1940 г. с этапом он прибыл в Тавду. Этот край тайги и болот был на тот момент заселен не только коренным населением и осевшими в результате аграрной реформы крестьянами-«самоходами» из западных

губерний. В середине 30-х гг. прошлого века эшелоны повезли сюда «врагов народа», которым пришлось с пилой и топором осваивать таежный край. Жили в наспех сколоченных бараках, шли на работу – куда прикажут.

И поехал Пугачев на уже знакомый ему Урал, где в 1918—1919 гг. работал в штабе военного округа. Еще в начале тяжкого крестного пути Семен Пугачев, по причине сердечного заболевания, был признан годным только к легкому труду. Но в его северном послужном списке названы отнюдь не легкие занятия: разделка и откоска рудничной стойки, раскатка шпал. Специальности: мелиоратор, лесоруб, машинист пишущих машин.

Последняя специальность фигурирует в документах как основная. Видимо, тех, кто определял судьбу заключенного Пугачева, поразила его способность обращаться с этим клавишным достижением цивилизации. Но, судя по всему, пишмашинка в лагпунктах была предметом редким, имела постоянных хозяев (или хозяек), и приходилось Семену Андреевичу возвращаться к лому, пиле, топору.

Когда он окончательно потерял здоровье, когда медики признали за ним «старческую дряхлость» в 50 с небольшим лет, тогда ему нашлось редкое по нашим временам занятие – лаптеплёт.

Признаться, я за свои немалые года впервые встретила это слово. Но в интернете оно есть: в текстах, касающихся старой Руси и «новой цивилизации» – сталинского ГУЛАГа. Снова возникла тогда необходимость в лаптях и лаптеплётах.

Пришлось брать кочедык в руки выпускнику Николаевской академии Генерального штаба, бывшему командующему Туркестанским фронтом, бывшему заместителю начальника штаба РККА (начальником был Тухачевский), бывшему консультанту советской военной делегации на международных переговорах в Женеве (совершенное знание французского языка помогало ему в этом), бывшему начальнику академии...

ГУЛАГ был страшен не только скудной едой и тяжелой работой, но и тем, что унижал узников. Семен Андреевич боролся за свое достоинство как мог. Судя по документам, еще в Ленинградской тюрьме требовал, чтобы ему давали книги и предоставляли возможность бриться. Книжки, как видно из служебной переписки, ему дали. Неясно, правда, сколько раз это было. Однажды почему-то побрили срочно, а потом постановили: брить «регулярно, раз в пять дней». Хватит с тебя и этого, дворянско-офицерское отродье!

Образцовым заключенным Пугачев не был. В общественной работе не участвовал, нормы не перевыполнял. Так ведь «букету» его болезней не позавидуешь: миокардит, тяжелое малокровие, грыжа, карбункулы... А вот в чем он был образцовым: промотов никогда не имел. Лагерное слово «промот», вошедшее в официальные характеристики, означало, видимо, вольное обращение з/к с выданным ему казенным имуществом. Ничего Семен Андреевич не продавал и не променивал ради собственной выгоды.

О том, что он оставался самим собой, говорят его письма. Написанные аккуратным почерком, безусловно грамотные и логичные. Конечно, не все они подшиты в деле. Те, что были адресованы в юридические инстанции, видимо, туда и уходили. На них даже поступали ответы.

«Прошу объявить осужденному Пугачеву Семену Андреевичу о том, что его жалоба, в которой он просит о пересмотре дела, мной рассмотрена и оставлена без удовлетворения. Мера наказания определена ему приговором правильно, поэтому оснований к опротестованию приговора мной не найдено.

Зам. Председателя Верховного Суда СССР В. Ульрих».

Именно такие отписки приходили на все запросы Семена Андреевича и его супруги Ларисы Дмитриевны о пересмотре дела. Но были и другие его обращения.

«Зам. председателя Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик товарищу Молотову.

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Михайлович!

Прошу о зачислении меня красноармейцем одной из действующих на фронте частей Красной Армии и тем дать мне возможность боевой работой, а если понадобится, то и ценой жизни, еще раз доказать мою преданность нашей большевистской партии и Родине и искупить единственную мою вину – постыдное поведение на следствии.

Уважающий Вас С. Пугачев. 22 июня 1941 года.

п. Верхняя Тавда Свердловской обл.».

Обратите внимание на дату. В день начала Великой Отечественной войны Семен Андреевич написал обращения с той же просьбой маршалам С. Тимошенко и К. Ворошилову. Письмо народному комиссару обороны С. Тимошенко завершается словами: «Заверяю партию и правительство трудящихся, что своей Родине я никогда не изменял и предателем не был и не буду».

Все эти искренние заверения не достигли адресатов и были подшиты в казенной лагерной папке. Здесь же – два многостраничных письма И. Сталину. Писал он их больше, судя по записям регистрации отправок, – не менее пяти. Из Туринска, из Тавды, из Таборов, из деревни Куренево Таборинского района. Куда ушли остальные – неясно. Вряд ли к вождю «лично в руки», как просил о том Пугачев.

Эти обращения – не о себе, а о Родине и о войне. Вот некоторые из соображений опытного военачальника и настоящего патриота:

«1. Современная война в условиях Советского Союза должна вестись с сохранением максимальной крепости и целостности государства, давая возможность продолжать, хотя бы в сокращенном масштабе, плановое строительство народного хозяйства.

2. Война должна вестись малой кровью.

3. Эти возможности должна дать современная техника, которая в руках владеющих ей командиров и бойцов решает половину дела победы.

4. Победа СССР над фашизмом ни в коем случае не должна быть пирровой победой, так как в результате ее нужно будет не только заживлять свои раны, но и помогать строительству социализма в ряде государств, которые неминуемо должны стать на путь этого строительства».

О современной военной технике, необходимой для фронта, С. Пугачев рассуждает не с потолка, а со ссылкой на секретные проекты и полигонные испытания, известные, как он полагает, верховному главнокомандующему.

В адресованном ему же другом письме он, твердо веря в неизбежную победу Красной армии, предлагает уже сейчас, осенью 1942 г., начать работу по написанию истории Великой Отечественной войны, – разворачивает широкую программу, вплоть до издания «„Черной“ книги фашистских гнусностей».

Мудрый человек был комкор Пугачев, настоящий провидец. Жаль, что в те дни, когда «наверху» могли бы пригодиться его советы, он работал лаптеплётом в уральской таежной глуши. Впрочем, как знать. Пожалуй, мысль о войне малой кровью вряд ли понравилась бы окружению вождя. Ее вполне могли отнести к вредоносным проискам царского военспеца. От них, настоящих профессионалов, решительно избавляли рабоче-крестьянскую армию. Из комкоров 1935 г. (звание, равное генерал-лейтенанту) уцелели единицы. Почти 50 были расстреляны.

Жизнь комкора Пугачева тоже оказалась недолгой. В марте 1943 г. он попал в медпункт лагеря Комендантский в Таборах и 16 марта умер от паралича сердца. Из акта о погребении следует, что «тело заключенного Пугачева Семена Андреевича одето в нательное белье, на груди положена фамильная доска». Где она теперь, эта могила? Их, безымянных, в наших таежных местах множество.

Реабилитировали Семена Андреевича в 1956 г. Военная коллегия Верховного суда переслала на Урал запросы о нем для публикации сведений в энциклопедиях. Такие биографические справки ныне опубликованы, но очень скудные и не во всем точные.

Печуркина Р. А.
**Аверинские мужики (о массовых репрессиях
крестьян села Аверино Сысертского района)**
*Впервые опубликовано: Уральский
рабочий. 1989. 27 октября*

Идешь ли по сельской улице, листаешь ли пухлые тома судебного «дела», разговариваешь ли с потомками крестьян, не по своей воле покинувших родные избы, и главный вопрос не дает покоя и не находит ответа. Почему именно Аверинскому выпала эта горькая доля?

Да, по всей стране тридцать седьмой стал черным годом. Но чтобы из каждого четвертого дома увели хозяина! Чтобы средней руки село – не ярмарочное, не храмовое, не районный центр – попало в разряд главных «контрреволюционных гнезд» с филиалами в Сысерти и Щелкуне, в Полдневом и Мраморском, в Свердловске и Каменске! За что тебе такая честь, Аверинское?

В начале августа увезли восьмерых. Две недели спустя на раннем рассвете понаехало к сельсовету несколько машин. Каждый, к кому входили в дом незваные гости, терялся в догадках: куда? зачем?

– Собрать чего? – спросила жена у Александра Федоровича Евдокимова. – Вдруг долго продержат...

– Совсем с ума сошла, мать! – отмахнулся тот. – Уборочная на носу, а нас держать будут!

Нет, не отпустили их к уборочной и никогда после. В начале октября и остальных подмели, из других уральских сел и городов всех аверинских уроженцев собрали. Как ты выжило, Аверинское?

...Мы сидим в сельской библиотеке. Я листаю страницы блокнота с выписками из следственного «дела». А мои собеседники рассказывают об отцах, дедах, братьях, дядях, соседях. Называют их давними деревенскими прозвищами: Сано Гребя, Маня Баская, Иван Сорока, Гриша Цыган и Гриша Воробушек.

Так не вяжутся с этими бесхитростными рассказами зловещие образы «врагов народа», какими их натужно пытались представить органы следствия:.. «Являлись участниками контрреволюционной повстанческой организации, существовавшей на территории Свердловской области, и решением тройки УНКВД Свердловской области от 11 сентября 1937 года приговорены к высшей меры наказания».

Эта страшная черта была подведена разом под сорока восемью жизнями. Двенадцатым, тринадцатым, четырнадцатым сентября помечены справки о приведении приговора в исполнение.

Позднее приговорили к расстрелу еще двоих аверинцев, одного из них, как выяснилось, повторно. А всего, выходит, сорок девять. Да еще двадцать осудили на разные сроки, не потрудившись даже вписать в приговор статью уголовного кодекса.

Торопились, ох торопились работники следствия. Очень, видимо, хотели отрапортовать о ликвидации повстанческого гнезда, понимая при этом, что доказательства вины подследственных – абсурднее некуда. Каждое лыко – в строку. Полученный на воинской службе Георгиевский крест, бабья сплетня, мужичья ссора, воскресная чарка, непогода и недород.

Расхожий прием – «связь с кулаками». Несколько местных семей еще ранее были лишены всякого имущества, направлены в город Каменск и его окрестности – завод строить, землю пахать. Навестит кто из аверинцев собственного родственника – вот и уже «связной с контрреволюционным кулачеством».

У Александра Евдокимова жена съездила в Каменск к брату. Тот, плотник на стройке, был объявлен японским шпионом, за связь с которым поплатились Евдокимовы потерей кормильца.

«Изъято при обыске». Порывшись в кухонной утвари, милиционер протянул начальнику железный пестик:

– Вот, холодное оружие.

– Дурак ты, что ли? – усмехнулся начальник, но пестик взял.

В Аверино вспоминают не один подобный случай. Повстанческому гнезду полагается быть вооруженным до зубов. А тут то охотничья переломка, то дамский пистолетик «Монте-кристо» с одним негодным патроном. Жидковато. Стало быть, сойдет и пестик. Не для протокола, а скорей для потрясения духа: ага, мол, попался разбойник.

Вот книги в протокол заносили непременно. У А. Евдокимова изъяли «Путь к социализму», у А. Пирожкова – «Беседы о ленинизме», у М. Меньшикова – «Историю ВКП (б)», у П. Костарева – «Что должен знать молодой чекист», у Н. Меньшикова – «Почему кулак против хлебозаготовок».

Работали мужики над собой, пытались разобраться в жизни, в политических сложностях.

Афанасий Иванович Деменьшин в политике и грамоте был не силен. Устроившись пожарным на стройке, он поселился на улице Луговой в Свердловске и еще не совсем освоился на новом месте, как пришли с обыском.

– Где вы достали совсекретное письмо №2985? А личное партийное дело на имя В. К. Молокова? Откуда взяли книги «В стране свободного труда» с портретом и описанием врага народа Рыкова и «Известия наркомтруда СССР» с декретами, подписанными врагом народа Каменевым?

Осененный наконец догадкой, сообщает гражданин Деменьшин, что всю вышеупомянутую литературу жена принесла из сарая для заверток. Но чекистов не проведешь! Они уже поняли, что ночами пожарный проникает в партийные сейфы, чтобы выкрасть и передать за границу совсекретные письма, личные дела и портреты с описаниями.

«Решил дать следствию откровенные показания». Протокол допроса Дмитрия Ивановича Деменьшина напечатан на машинке. Фразы округлые, складные. «Я признаюсь, что являюсь участником контрреволюционной организации, которая ведет активную борьбу с советской властью». В шестнадцати пространных абзацах излагает пожилой колхозник, как он «вел агитацию против хлебозакупа и гос. планов», как «с антисоветской пропагандой выступал на общих колхозных собраниях». И стоит после каждого абзаца густой, широкий отпечаток пальца. Да знал ли Дмитрий Иванович, что именно «заверил» он своей натруженной крестьянской рукой!

Марию Лупоновну Деменьшину допросили в качестве свидетельницы. В ее доме после скитаний жил в примаках сапожник Василий Федорович Деменьшин. Или по-здешнему Вася Сысой. «Мой муж устраивал в квартире сборища тайные – закрытые. В комнату, где проходило сборище, меня не пускали. Характер этих сборищ я не знаю, но должна сказать следствию, что эти сборища были контрреволюционные».

Старожилы Лупоновну помнят и утверждают со всей ответственностью, что таких слов она отродясь не знала и ни за что не смогла бы выговорить.

А вот сам Василий Деменьшин был человеком грамотным, да к тому же бунтарем. И, видно, крепко надоел местной верхушке тем, что критиковал сельсовет и правление, писал о неполадках даже в газету.

За него взялись особенно цепко, допросы следовали один за другим. Пробовал сопротивляться. Написал протест начальству. Но белым флагом подшита в деле следующая бумага: «В своем заявлении на ваше имя я писал, что под влиянием психического воздействия следователя Бородин подписал протокол о несуществующей организации. После сегодняшней беседы, во время допросов я пришел к выводу давать правдивые показания. Написанное мною

вышеуказанное заявление считаю неверным, что я допустил в силу своего нервного состояния и малодушия».

И пошел ко дну Вася Сысой. В один из первых протоколов этих допросов следователи вписали якобы сообщенные В. Деменьшиным цели организации, действовавшей по установкам подпольного штаба: «подготовить повстанческие кадры в деревне с тем, чтобы в случае войны [...] поднять вооруженное восстание; а в его планах – террористические акты над активными советскими работниками и колхозным активом; подрывная вредительская и диверсионная деятельность».

В обвинительном заключении будет из слова в слово повторена эта схема – не два же раза напрягать мозги!

Удручающе одинаково выглядят заявления «повстанцев» с просьбой вызвать их на допрос для дачи «чистосердечных показаний». Позднее, оказавшись уже в роли обвиняемых, работники следствия расскажут, что в тюрьме №2, помещавшейся на улице Декабристов, заключенные-уголовники умели «убеждать» своих политических сокамерников в неразумности запирательства. А руководил обработкой лейтенант госбезопасности В. Воскресенский, приговоренный впоследствии, как и Бородин, к расстрелу.

Та, конца тридцатых годов, волна повторных разбирательств вряд ли была продиктована жаждой справедливости. Скорей, это было прятание концов в воду. Мертвым не вернули доброе имя. Живых так и оставили в лагерях, не отмыв от нелепых, надуманных обвинений.

«Троцкистские измышления, контрреволюционная клевета». В чем они заключались? Как формулировались? А вот как:

«ВКП (б) и Советская власть усиленно ведут пропаганду, а колхозники живут плохо».

«С этими колхозами сколько ни работай, а сидим без денег и без хлеба. Нужно идти на производство».

«Вы ездите да обещаете, а мы опять голодом останемся».

«В. Деменьшин с С. Колобовым говорили, что план посева велик». Они же «писали заметки в газету о неполадках в колхозе, о плохой обработке земли, мелкой вспашке, продаже продуктов без контроля».

«Клеветнические измышления», получается, не лишены здравого смысла. Заподозрили кое-кого из аверинцев, что мечтают они председателей колхоза и сельсовета сместить, а других избрать. Стремление, абсолютно нормальное с сегодняшней точки зрения, приравнивалось тогда чуть ли не к попытке государственного переворота.

Ну, а кто на слове не пойман, в иных вольностях не замечен? За ним какая вина? О, это так просто!

«Кулак, сын кулака». Вписаны в «дело» эти слова – и никуда от них не денешься. Так поступили с Палкиными. «Дом, 12 десятин надельной и 25 арендованной земли, 7 лошадей, 2 подростка, 4 коровы, 5 подростков, мелкого скота – 15. Молотилка, веялка». Все записали. Упустили только, что кормилось с этого имущества 22 человека. После раздела среднему сыну Антону достались дом, амбар, баня, корова, телка, овца и шуба-яга. Не бог весть какое богатство. Их и описали при аресте и приказали семье хранить до особого распоряжения «под страхом кары революционного трибунала». Прослыть рачительным хозяином – что может быть опаснее и преступнее в те наизнанку вывернутые годы?

«К работе относился паршиво». Такое не очень-то протокольное словечко встречается в справках, которые вынужден был составить сельсовет на каждого арестованного.

Если ты кузнец – стало быть плохо ремонтируешь технику, и она по твоей вине на полевых работах выходит из строя. Если ты сапожник – стало быть не стараешься порезвей стучать молотком, и колхозники топают на сев босиком.

Да, мужики были не ангелы. Но сегодняшние аверинцы единодушны в главном: в селе помнят тех кузнецов, плотников, пахарей отнюдь не бездельниками.

По пятьдесят лемехов за день отклепывал молотобоец Егор Пирожков. Бросит взгляд заказчику на ноги сапожник Василий Дементьев – и, считай, мерка снята, сапог будет сидеть как влитой. Пришли в колхоз «принципиальные машины» – тракторные сноповязалки. Сели на них братья Антон и Василий Палкины и убрали разом «всю степь»! Выкосит литовкой две нормы Поликарп Пыжьянов да еще и на охоту убежит.

«Нет ни одного участка колхозных работ, который не был бы охвачен ныне разоблаченными», – гласит следственное «дело». И то правда. Ведь именно на этих «заговорщиках», их умении, трудолюбии держалось все сельское благополучие.

Кузнец Семен Колобов склонился над сломавшейся силосорезкой, с головой в нее ушел. А неразумного пацана Пашку дернул черт коней понукнуть. И рванули они сельхозмашину, и ударила она Семена Осиповича с маху. Выплюнул он зубы в горсть, разбитым ртом пересказал подручным диагноз, поставленный силосорезке. И только тогда упал в телегу, чтобы ехать в больницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.